

других: в Провансе, в Лангедоке, в Руссильоне, в Беарне, во Фландрии, во Франш-Конте и в Бургундии. Там, где не было настоящих восстаний, общим возбуждением все-таки пользовались, чтобы поддерживать волнения и устраивать демонстрации.

В Париже праздновали многочисленными демонстрациями отставку архиепископа Санса, бывшего до того министром. Для охраны Нового моста была выставлена военная сила, и произошло несколько столкновений между войском и народом, вожаками которого, замечает Бертран де Мольвиль в своих Записках (стр. 136), «были те самые люди, которые впоследствии принимали участие во всех народных движениях во время революции». Интересно письмо Марии-Антуанеты к графу Мерси от 24 августа 1788 г., в котором она говорит о своих опасениях, сообщает об отставке архиепископа Санса и рассказывает, что она хлопочет о том, чтобы вернули Неккера. Из этого письма ясно видно, какое впечатление производили на двор уличные сборища. Королева предвидит, что возвращение Неккера «ослабит королевскую власть»; она боится, «как бы не пришлось назначить премьер-министра», но «время не терпит». Нужно непременно, чтобы Неккер согласился¹.

Три недели спустя при известии об отставке Ламуаньона начались новые сборища. Толпа бросилась поджигать дома двух министров, Ламуаньона и Бриенна, а также и дом Дюбуа. Были призваны войска, и на улицах Мэле и Греннель произошло «страшное избиение этих несчастных, которые даже не защищались». Дюбуа бежал из Парижа. Иначе «народ устроил бы свой самосуд», говорят: «Два друга свободы».

Позднее, в октябре 1788 г., когда сосланный в Труа парламент был возвращен, «клерки и чернь» устраивали несколько вечеров подряд иллюминации на площади Дофин. Они выпрашивали у прохожих денег на фейерверки, заставляли господ выходить из своих экипажей и кланяться статуе Генриха IV, жгли куклы, изображавшие любимцев двора Калонна, Бретейля, герцогиню Полиньяк. Собирались также жечь изображение королевы. Мало-помалу эти сборища распространились и на другие кварталы, и, чтобы разогнать их, вызваны были войска. Произошло кровопролитие, и на площади Грэвы было много убитых и раненых; но так как арестованных судили члены парламента, то они отделались легко.

Вот как возбуждался и распространялся революционный дух накануне революции². Почин шел от буржуазии, особенно от мелкой; но, вообще говоря, буржуа старались не компрометироваться, и очень немногие из них решались до созыва Генеральных штатов более или менее открыто сопротивляться двору. Если бы не было ничего другого, кроме редких случаев их протеста, Франция еще много лет ждала бы низвержения королевского самоволия. К счастью, многие причины толкали народные массы на восстания; и, несмотря на то что за каждым бунтом следовали виселицы, массовые аресты и даже пытки арестованных, народ, доведенный до отчаяния нищетой и вместе с тем движимый тою смутною надеждою, о которой говорила старуха Артуру Юнгу, все-таки восставал. Он поднимался против интендантов провинций, против сборщиков податей, против сборщиков соляного налога, даже против самого войска и таким образом расстраивал правительственный механизм.

Начиная с 1788 г. крестьянские бунты стали таким общим явлением и подати так плохо поступали в казну, что на государственные расходы не хватало средств. Тогда Людовик XVI, в течение 14 лет отказывавшийся собрать представителей народа из опасения, что от этого пострадает его королевская власть, оказался вынужденным созвать сначала Собрание нотаблей («почтенных» людей) и наконец Генеральные штаты.

VI

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗЫВА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ

Для всякого, кто знал положение Франции, было ясно, что безответственное управление двора более не может продолжаться. Нищета в деревнях все росла и росла, и с каждым годом становилось

¹ *Feuillelle de Conches F. S.* Louis XVI, Mane-Antoinette et Madame Elisabeth Lettres et documents inedits, v. 1–6. Paris, 1864–1873, v. 1, p. 214–217 «Вчера вечером, — пишет королева, — аббат написал нам и сообщил о моем желании. Больше чем когда-нибудь я думаю, что время не терпит и что необходимо, чтобы он (Неккер) согласился. Король вполне со мной согласен, он только что принес мне бумагу, написанную его рукою, с изложением его мнений, копию с которой я вам посылаю». На другой день она пишет опять: «Колебаться больше нечего. Если он может приняться за дела завтра же, тем лучше. Дело очень спешное... Я боюсь, чтобы не пришлось назначить премьер-министра», — т. е. составить министерство.

² Для более подробных сведений см.: *Roquain F.* L'Esprit revolutionnaire avant la Revolution. Paris, 1878.